

ФИЛОСОФСКАЯ ЭССЕИСТИКА

УДК 5527

В. В. Савчук

ТУРЕЦКАЯ АНТИЧНОСТЬ. ПОХИЩЕНИЕ ЕВРОПЫ*

Прежде я в Турции был только в Стамбуле. К ней же был заведомо настроен, поскольку активно не принимал ее жестокий и всеразвращающий *режим* отдыха: «Все включено», от которого с трудом отбился завтраками и ужинами (НВ). А в итоге, поехав в Турцию, неожиданно, побывал в Древней Греции, в Ионии — самом сердце зарождения философии, науки и искусства.

На окраинах греческого мира

Дело в том, что мой путь в Древнюю Грецию и шел окольными путями: я был на противоположных окраинах греческого мира: в греческих колониях Эмпуриас (Каталония), Митридат (Керчь), Херсонес (Севастополь), в раскопках греческих городов на территории Хорватии, Болгарии, посетил прото-грецию на Крите и (подобно Хайдеггеру, который два раза в последний момент отказывался от посещения континентальной Греции, лишь на третий раз, в 1962 г., посетил ее) наконец-то побывал там. Не оттого ли, что *in loco* памятники классической античности всегда воспринимаются по-другому. Они оказываются не такими, какими представляешь их себе по фотографиям, фильмам и видео: свое восприятие иначе расставляет акценты, появляется свой собственный сюжет восприятия одного и неприятия другого, авантюра видения порой неожиданно открывает масштабные соразмерности, избираешь свою точку зрения, ракурс восприятия. Все это имело место когда неожиданно Иония, ее торговые и интеллектуальные центры: Милет, Эфес, Приена (Перине), Храм Аполлона в Дидиме — все это на территории современной Турции предстало перед жадным взором.

Тысячелетия назад единый греческий мир не разрывался на континенты: Европу, Азию, Африку, не дробился по странам, а Средиземное море было внутренним морем, срединной частью Греческого, а затем и Римского мира, а похищение Евро-

Савчук Валерий Владимирович — доктор философских наук, профессор, Институт философии Санкт-Петербургского государственного университета, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9 ; vvs1771@rambler.ru

Savchuk V. V. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; vvs1771@rambler.ru

* Статья написана при финансовой поддержке гранта РГНФ 14-03-00594 Иконография античных философов: история и антропология образа.

пы лишено было того геополитического привкуса, которым оно обладает сейчас: это было похищение внутри одной цивилизации, в центре которой было «Средиземное море». Как известно, казус неоднозначности усиливается при использовании самых распоротсранных терминов, как то: «модерн» у нас — художественный стиль, в европейских языках — современность, а понятие «античность» не стыкуется с западно-европейским употреблением. В русском языке термин «античность» исключительно соотносится с Древней Грецией и Древним Римом. В иных же распоротсранных европейских языках, как заметил доктор архитектуры С. С. Ожегов, «словом “антик”, имеющим разные написания и ударения, называют просто древность или нечто древнее». Малая Азия не была окраиной в современном смысле, так как обладала своими важными особенностями и преимуществами. Вспомнил о содержательном выступлении искусствоведа Жанны Николаевой на семинаре «Визуальные практики», посвященном сюжету «Похищение Европы». Ниже несколько лишенных трагизма похищений из ее иллюстраций. Первая — Европа, едущая как Амазонка, похлопывающая и подбадривающая быка, управляющая его рогом (рис. 1). Вторая — терракотовая фигурка: на ней Европа словно властная и дородная хозяйка, предстает едущей по известной дороге в соседнюю деревню (рис. 2).

Значительные фрагменты Милета, Эфеса, Приены чудесным образом сохранились (рис. 3). Виду различия теплой, почти домашней агоры и холодных пространств форумов римской империи, где человек подавляется властью надличностного коллективного тела империи, закона, власти. Агора — не только рынок, но и место встречи и общения. А по одной из версий существительное «агора» происходит от древнего глагола «агирос», что означает собирать и ораторствовать. Отсюда первая онтологическая категория — провозглашение всеобщности мыслителем: «Все есть вода». (Не потому ли, что Милет был полуостровом, узким перешейком, соединявшимся с материком? Сейчас

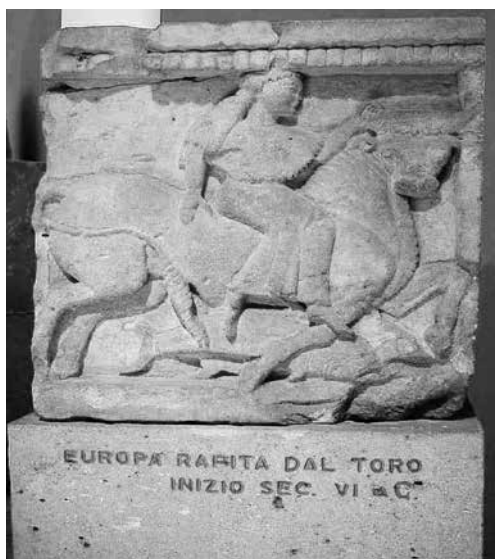

Рис. 1. Европа, похищенная быком. Из храма У в Селинунте, юго-западная Сицилия. VII в. до н.э.

Рис. 2. Терракотовая фигурка из Беотии. 470–450 г. до н.э. Лувр

Рис. 3. Здание библиотеки. Город Эфес

город уже далеко от побережья.) Но многое в этих городах не раскрыто, ко многому надо приложить руки и вложить деньги. В данный момент это выглядит так, словно Европу выкрали и вернули в Малую Азию, но что делать с ней, кроме как увеличивать туристическую привлекательность, еще не придумали.

На стыке цивилизаций

Именно в Турции весьма остро ощущаешь драму истории, смещение центров культуры, столкновение религий, культур, цивилизаций. И здесь же понимаешь хрупкость цивилизации: если изменится политическое и религиозное состояние, если Турция станет страной с фундаменталистской идеологией, может наступить конец греческому наследию, подобно взрыву статуи Будды в Афганистане. Но восприятие греческих городов от такого рода мыслей только обостряется: то, что представляло собой древнегреческую цивилизацию, весьма и весьма далеко от нынешней располагающейся там и по духу, и по архитектуре, и по вере, и по укладу жизни, и по мироощущению цивилизации мусульманской, пусть и в самом светском его варианте. Причина в самом христианстве, в его внутреннем противостоянии, оказавшемся сильнее врагов внешних.

Обострение противоречий внутри единой христианской веры привело к нынешнему положению вещей: «Лучше чалма, чем тиара (знак папского владычества)» — слова последнего (не в этом ли причина?) главнокомандующего византийским флотом Византийской империи (1449–1453) Луки Нотара. Исповедующие западную ветвь христианства не остались в долгу: «Турки — враги, но раскольники-греки хуже, чем враги», — выражал мнение многих Петрарка. Объяснимо теперь тотальное изгнание мавров с Иберийского полуострова латинянами и существование турецкой части Европы на другом ее конце с попустительством латинян —

дабы не досталась православным, кои «хуже, чем враги». Нынешнее обострившееся противостояние западного и восточного христианства на руку все той же Азии, Америке, Африке и Австралии. История постоянно преподает уроки, и столь же неустанно они не усваиваются. В том числе и турецким гидом, вспомнившим в Милете лишь одного философа — Анаксимена! Даты и названия лежащих рядом развалин караван-сарая и мечети он помнил и возвращался к ним не раз.

Рис. 4. Меандр

Когда вижу крайне извилистую реку Меандр, а затем одноименный геометрический орнамент в виде ломаной линии (рис. 4), лучше понимаю, как связан топос с культурой, на нем произрастающей. Поистине, *nomen est omen!*

Собственная ловушка

Турки, я сделал собственное открытие, тоже отдыхают в режиме «все включено». В моем отеле 80 процентов постояльцев — турки. Прежде я думал, что это их коварный план искушения и развращения европейцев, русских, иных иностранцев форматом вседоступности еды и алкоголя, ленью и негой на мягких лежаках и неизменно развлекающим всех аниматором, который окончательно добывает любую инициативу, воображение и навыки коммуникации. Но нет, мнится, турки искренне считают, что создают наикомфортнейшие условия отдыха и... сами попадают в свою же ловушку «комфорта» — предаются ему. Вспомнился Диоген: «Пусть дети ваших врагов живут в роскоши».

Целомудренные и равнодушные

Турки у себя дома далеки от тех мифов улыбчивости, услужливости и чистоты, которые, по всем рассказам, создают в Анталии на территории отелей. В своей собственной среде они скорее равнодушные (никто не интересовался Украиной, санкциями), старики — по-средиземноморски никуда-не-спешащие — вариант *dolce vita*, — сидящие в одном и том же месте и в том же составе.

Еще развеялся миф об их улыбчивости и услужливости: они редко бывают вежливы по отношению к другим, в отличие от европейцев не улыбаются при встрече с незнакомыми, не предупредительны, не пропускают дам вперед и т. п. Правда, когда отдыхающие это делают первыми по отношению к ним, им это нравится, и в ответ они также становятся доброжелательными. Следующий стойкий миф — о докучливости и приставании турков — в данном месте и в данное время был поколеблен. Пышная блондинка, отдыхавшая в моем отеле, на вопрос: «Как отдых?» — уклончиво ответила: «Не задался». Выяснилось, что никто в отеле не делал комплименты, не приставал на улице. Действительно, на пляже, на набережной комплиментов, восторгов и приставаний, обращенных к европейским дамам, даже блондинкам, я не приметил. Место и время такое? Витальность утратили или свои жены рядом? Случившиеся тогда выборы президента Турции (флаги Турции и портреты Эрдогана жители довольно часто вывешивали из своих окон)? У меня нет ответа.

Особенности коллективного тела

Турки (и в этом, что печально, они схожи с нами) вполне себе равнодушны к грязи за окном, на улице. Узнаваемые повадки нуворишей: у двора новая иномарка, политый сад и чистый двор виллы (те домики на два-четыре хозяина они гордо именуют в объявлениях «виллами») — и пыль, и мусор, и грязь на улице.

Но то, что они преодолели в себе, так это страсть к высоким заборам, отгораживающим внутренний их мир от внешнего. Заборы их более похожи на палисадники и не чета нашим грозным фортификационным укреплениям, скромно именуемым заборами. Их архаическое крепко сбитое коллективное тело проявляется во всем: в игнорировании предшествовавшей Стамбулу гордой истории Константинополя, проступающей в гордых граффити на футболках «Istanbul 1453», в однообразии выстроившихся в ряд, абсолютно одинаковых монолитных домов, и однообразно же побеленных, гордо именуемых виллами. Картину дополняют многоэтажные дома: бетонно-стеклянный аскетизм коробок против инородной классической античной архитектуры, всей предшествующей истории европейской архитектуры, игнорируемой современными турецкими интеллектуалами в целом и архитекторами в частности. Они любят свой флаг, особенно с изображением Ататюрка, — его вывешивают из окон на улицу, но при этом не замечают отдельного индивидуума. Даже расфасовки в магазинах рассчитаны на большую турецкую семью, а не на отдельно взятую персону.

Обращает на себя внимание их потребность сбиваться в плотное коллективное тело, например, в кафе, играя в Турецкие нарды, или выпивая напиток, который они называют турецким чаем, подавая его в прозрачных тюльпанообразных стаканах. Кофе — редкость, и его стойкий запах сразу же привлекает внимание.

О запахах разговор особый. Проходя мимо баков с мусором, непостижимым образом вспоминал жеманные инвективы заката западной цивилизации Татьяны Горичевой: «В Германии даже помойки не пахнут». А здесь пахнут! Помойки на каждом шагу, в жару — с пятнами высохшей или липкой жижи. Видимо, это и объясняет их любовь к сильным и пряным запахам духов, призванным перекрыть окружающие.

Генеалогия

Среди пестрой турецкой толпы, особенно детей на пляже, постоянно натываются на славянские и европейские лица, светлые волосы, вспоминал Кафу (Феодосию), которая не один век поставляла рабов в Турцию и далее во все страны Средиземноморья, захват и покорение Византии, Балкан, вследствие чего они вобрали в себя многих, разнообразили и обогатили собственную кровь.

Есть у них несомненные достоинства — уважение к чужой собственности. Головы ли долгое время отделяли ятаганом, руки ли отсекали, но генеалогия нынешнего уважения к чужой собственности крепко записана на их коллективном теле. Тому подтверждение — закрытые и пустующие отели по соседству не разграблены, стекла не разбиты, они не населены бомжами.

Эмансипация по-турецки и немного Чехова

Соотечественники пообвыклись на курортах, да и как не привыкнуть, когда из немногочисленных моих собеседников двое сказали, что в мае-июне отдыхали уже Египте и Тунисе. Демонстративное поведение русских ушло, появилась естественность поведения. Количество еды в их тарелках ровно такое же, как и у прочих постояльцев. Но одна деталь все же обращает на себя внимание. Признаком хорошего тона у соотечественников считается критика отеля (при этом чем больше звезд, тем истовее), обслуживающего персонала, меню и аниматоров. А еще ругают скуку, словно высказанное неудовольствие добавляет им самим веса и значимости. Вспомнились слова язвительного Антона Павловича Чехова по поводу Ялты: «Это только принято говорить, что здесь скучно. Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре — и ему не скучно, а приедет сюда: “Ах, скучно! Ах, пыль!” Подумаешь, что он из Гренады приехал».

Вернусь к туркам, их любовь грызть длинные семечки подсолнечника на пляже, сидя на покрывале, на скамейке на набережной, оставляя внушительные пятна шелухи на земле, удивляет. (Я вдруг осознал, что увидел оригинал той традиции, которую последние три года созерцал в парках и на улицах Кройцберга в Берлине.) А разноцветные мусульманские купальники зрелых и пожилых дам, закрывающие все тело, походка турецких женщин — ступая, они словно продолжают сидеть на ковре, — заставляют невольно улыбнуться. Их попытки научиться плавать в детском бассейне в зрелом возрасте (что похвально, ибо говорили же древние греки: он неграмотный человек, так как ни читать, ни плавать не умеет) — умиляют. Пожилых дам сопровождают курящие дочери в купальниках западного образца — так они, как заметил русскоговорящий турок-экскурсовод, самоутверждаются, такова изнанка эмансипации по-турецки. Невольно вспомнился прочитанный уже давно роман Архана Памука «Снег» (2002) о нынешних молодых радикалах, обращающихся к традиционным ценностям. Все возвращается, но возвращается неузнанным, как похищенная и заточенная в Малой Азии Европа.

Август, 2014, Guzelcamli, Кушадасы, Турция